

«РАБОЧИЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Н. С. КИНЯПИНА

До утверждения капитализма как формации о «рабочем вопросе» можно говорить лишь условно, понимая под ним отношения наемных рабочих и предпринимателей. В политике самодержавия первой половины XIX в. он сводился преимущественно к обеспечению промышленности кадрами рабочих. Накануне отмены крепостного права, с конца 40—50-х годов XIX в. «рабочий вопрос» приобрел более широкое звучание как вопрос о судьбах «рабочего класса» в стране.

Дворянская и буржуазная историография небогата литературой, касающейся «рабочего вопроса» и связанного с ним рабочего законодательства в дореформенный период. Первой работой по истории фабрично-заводского законодательства была книга Л. Н. Нисселовича, написанная по официальному заказу департамента мануфактур и внутренней торговли. В этом официозном сочинении все правительственные законоположения, касавшиеся промышленности, представлены автором как меры, содействовавшие ее развитию и облегчавшие положение рабочих¹. Буржуазные либеральные авторы (М. И. Туган-Барановский, В. П. Литвинов-Фалинский, А. Н. Быков)², не придававшие сколько-нибудь серьезного значения зарождению буржуазных противоречий в крепостной России, не считали возможным говорить о «рабочем вопросе» до появления фабричного законодательства 1882 г.

История формирования и борьбы пролетариата является одной из центральных проблем исторической науки, которой занимаются многие советские ученые³. Однако правительственной политике в «рабочем вопросе» и их трудах отводится мало места и дается не всегда правильная оценка. В появившихся в течение последнего десятилетия источниковедческих статьях, касающихся отдельных сторон «рабочего вопроса» изучаемого нами времени⁴, законоположения по «рабочему вопросу», как

¹ Л. Н. Нисселович. История фабрично-заводского законодательства Российской империи, т. I—II, СПб., 1883—1884.

² М. И. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, М., 1898; В. П. Литвинов-Фалинский. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России, СПб., 1908; А. Н. Быков. Фабричное законодательство и развитие в России, СПб., 1909.

³ К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, Л., 1925; М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I, М., 1926; В. Ю. Гессен. История законодательства о труде рабочей молодежи в России, Л., 1927; А. М. Панкратова. Вступительная статья к сб. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. I, М., 1951; А. Г. Рашин. Формирование промышленного пролетариата в России, М., 1940; И. И. Шельмагин. Фабрично-трудовое законодательство в России во второй половине XIX в., М., 1947.

⁴ В. К. Яцунский. Материалы о положении рабочих Петербурга в 40-х гг. XIX в. «Проблемы источниковедения», вып. VIII, М., 1959; Б. Н. Казанцев. Разработка законодательных предположений о наемном промышленном труде в России в 40—60-х гг. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедение периода феодализма в России», М., 1961; его же. Источники по разработке законов о наемном промышленном труде в крепостной России. «Проблемы источниковедения», вып. X, М., 1963.

правило, также рассматриваются без связи с промышленной политикой царизма⁵.

Задачей данной работы является анализ правительственной политики преимущественно в отношении рабочих, занятых на капиталистических мануфактурах и фабриках, что позволяет определить содержание политики царизма в «рабочем вопросе» и его место в системе правительственных мероприятий в области промышленности. Решение этих проблем помогает выявить преемственность во внутренней политике царизма дореформенных и пореформенных лет.

Статья написана по опубликованным материалам, а также по документам различных фондов из архивов Москвы, Ленинграда и Риги, которые дают возможность понять возмставшее по мере развития промышленности внимание правительства «рабочему вопросу» и противоречия по этому вопросу в правящем лагере.

Введение машин способствовало отрыву рабочих от земли, ускоряло создание постоянных кадров рабочих еще в крепостной России.

В условиях дальнейшего разложения феодальной системы и широко распространенного принудительного найма, приводившего к массовому бегству крестьян, правительство было вынуждено идти на некоторые уступки предпринимателям по найму рабочих. Указ от 16 июня 1825 г. запрещал помещикам отдавать своих крепостных в заводские работы, предлагая заключать с фабрикантами условия не от собственного лица, а от лица рабочего⁶. Помещики могли отпускать крепостных лишь по паспортам, с правом свободного договора работника с предпринимателем. Появление этого указа было вызвано жалобами фабрикантов на невыгодность для них соглашений о найме от лица помещика, что снижало заинтересованность рабочего в труде и создавало текучесть рабочей силы. Этот акт предшествовал важному закону 1835 г. об отношениях между предпринимателями и наемными рабочими, о котором мы скажем ниже.

Правительство, способствуя обеспечению промышленности кадрами рабочих, поддерживало требования фабрикантов, недовольных затrudнениями, связанными с выдачей паспортов. В связи с ростом отходничества, служившего одним из показателей развития капиталистических отношений в деревне, в 1826 г. были несколько снижены цены на паспорта⁷.

В 1827 г. Государственный совет, куда поступили прошения от фабрикантов об упрощении паспортной системы, рассматривал этот вопрос. Опасаясь «усиления бродяжничества», члены Государственного совета, представители сановой знати признали необходимым сохранить существовавшую систему выдачи паспортов, снизив цену при сохранении прежних сроков их действия. С 1 января 1828 г. устанавливались краткосрочные месячные паспорта стоимостью в 50 коп., трехмесячные — в 1 руб., шестимесячные — в 2 руб., годовые — в 4 руб., двухгодичные — в 6 руб., трехгодичные — в 12 руб., причем в паспорт включались: муж, жена и малолетние дети⁸. Члены Мануфактурного совета, отражавшие интересы буржуазии, выражали недовольство действиями местной полиции, не разрешавшей крестьянам отлучаться от своего дома без плакатных паспортов. Сенат, обсуждавший этот вопрос, поддержал сообщение Мануфактурного совета, но указал, что для тех крестьян, которые уходят в города, расположенные далее 30 верст от дома, необходимо сохранить плакатные паспорта⁹.

⁵ См. Б. Н. К а з а н ц е в. Источники по разработке законов...

⁶ ПСЗ. Собр. I, т. XI, № 30385.

⁷ «Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра устава о паспортах», ч. I, СПб., 1861, стр. 25.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. 1, д. 71, 1827, лл. 44, 37.

⁹ Там же, ф. 18, оп. 2, д. 700, л. 11.

Снижение цен на паспорта, введение краткосрочных билетов для мещан, крестьян и дворовых на один, два и три месяца, разрешение в пределах 30 верст от места жительства уезжать на заработки без паспортов, усиливали подвижность населения, способствуя притоку рабочей силы в промышленность. Однако все эти полумеры не могли разрешить проблемы создания промышленных кадров.

Издавая указ от 21 декабря 1827 г., правительство в целях поощрения промышленного предпринимательства (в развитии которого оно видело один из путей выхода помещичьего хозяйства из состояния застоя) освобождало (сроком до 3 лет) хозяев вновь открываемых промышленных заведений от платежа гильдейских повинностей, проводило протекционистскую политику, организовывало промышленные выставки, открывало технические учебные заведения. Вместе с тем царизм выступал против развития частного кредита, выдавал ссуды на строительство промышленных предприятий преимущественно дворянам, ограничивал крестьянскую торговлю высокой платой за торговые свидетельства.

Содействуя развитию промышленности, правительство опасалось скопления рабочих в крупных городах. Поэтому еще в 30-х годах XIX в. оно ставило вопрос о рассредоточении промышленности из центра на окраины. В 1832 г. Николай I приказал министру финансов через гражданских губернаторов собрать сведения о целесообразности развития мануфактурной промышленности в уездных городах¹⁰. Получив необходимые материалы из губерний, Канкрин в своей записке от 1 ноября 1834 г. на имя императора пытался рассеять опасения последнего относительно развития крупной промышленности в центральных городах¹¹. Канкрин замечал, что «сосредоточение фабрик в одном месте есть одно из условий доведения их до степени искусства». Вместе с тем он обращал внимание императора на опасность сосредоточения рабочих в крупных городах, ибо они «являются классом самым нуждающимся, склонным к неудовольствиям, отчаяниям и к внезапным порывам». Нарисовав мрачную картину состояния рабочих в Западной Европе, Канкрин противопоставлял ей положение рабочих в России. «У нас положение дела... совсем другое, ибо работники на городских фабриках почти исключительно состоят из приходящих крестьян, в результате чего невозможно значительное увеличение городского населения за счет крестьянства. Рост же городского населения за счет мещан,—рассуждал Канкрин,—неопасен, т. к. они преимущественно заняты — на собственных небольших заведениях, или на фабриках». Поэтому «умножение у нас фабрик гораздо выгоднее и безопаснее, нежели в других государствах,—замечал министр финансов,—а хозяева фабрик, с одной стороны, не могут иметь столько влияния на своих рабочих, а с другой — последние не составляют опасного целого. Первые же по собственному своему интересу привязаны везде к существующему порядку». В этой же записке Канкрин выступал против предоставления ссуд предпринимателям в больших размерах, так как эта мера, по его мнению, «оказывает вред другим фабрикам и приводит к потере розданных капиталов»¹². Министр финансов, как и большинство государственных деятелей царской России (Д. В. Голицын, Л. Н. Тенгоборский, К. Ф. Толь и др.), считал, что привязанность русских рабочих к земле якобы предохраняла их от антиправительственных выступлений в отличие от рабочих стран Западной Европы. Поэтому Канкрин в 30-х годах XIX в. не видел еще опасности для правительства в развитии промышленности и концентрации рабочих в крупных городах.

¹⁰ «История Москвы», т. III, М., 1947, стр. 210.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. Всеподданнейшие отчеты министра финансов по департаменту Мануфактур и внутренней торговли, № 40, оп. 1, д. 12, 1834—1837 гг., л. 45.

¹² ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 12, лл. 47, 48, 49, 50 об.

Постановка вопроса о положении рабочих в правительственных кругах и прессе в 30—50-х годах была связана с участвовавшими случаями их выступлений против хозяев и необходимостью обеспечить развивающуюся промышленность кадрами. Выступления рабочих носили неорганизованный и локальный характер, а их требования мало отличались от требований крестьян. Наиболее распространенной формой протеста являлась подача жалоб. Некоторое представление о возрастании протеста рабочих дают журналы заседаний Московского отделения Мануфактурного совета, в обязанности которого с 1843 г. входило рассмотрение жалоб рабочих и предпринимателей. В 1844 г. в отделении было рассмотрено 10 жалоб (из них две — предпринимателей на рабочих), а в 1860 г. — 51 жалоба (из них 8 жалоб фабрикантов на рабочих)¹³. Рабочие протестовали против незаконных штрафов со стороны хозяина заведения, против неверного расчета, против изменения характера работы, не вытекавшего из договора. Фабриканты чаще всего жаловались на отказ рабочего продолжать работу до истечения срока договора. Очевидно, что число недовольных рабочих было значительно больше, так как разбором жалоб, в основном, занимались земская полиция и земский суд. Председатель московского отделения Мануфактурного совета А. Шипов в апреле 1860 г., предлагая изменить технику разбора жалоб в Отделении, писал: «В последние два года число жалоб значительно против прежнего увеличилось»¹⁴. Постепенно менялись и формы борьбы рабочих с фабрикантами. Если в 30-х годах XIX в. рабочие прекращали работу на предприятиях или подавали жалобу на хозяина в одиночку, то в 40—50-х годах были нередки случаи коллективных протестов рабочих и массовый уход с работы. Так, из 43 случаев протестов рабочих против хозяев, зарегистрированных Московским Мануфактурным отделением в 1860 г., 8 были коллективными¹⁵. Рабочие не только отстаивали свои прежние права, но требовали улучшения условий труда, сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы¹⁶.

Однако «рабочий вопрос» в 30—40-х годах XIX в. привлекал внимание царизма не только потому, что рабочие выступления казались ему серьезной опасностью. Большее значение, как нам кажется, имела забота об обеспечении развивающейся промышленности кадрами рабочих, отчего зависело благосостояние не только буржуазии, но и класса помещиков. Рост промышленности, расширяя внутренний рынок, облегчал помещикам сбыт продуктов сельского хозяйства; помогал освободиться от недоимщиков путем принудительного направления их на заработки. Только в фонде Шереметева (ф. 1088) имеются десятки дел об отправке крестьян на строительство железных дорог¹⁷. Не случайно, что правительство так долго и терпеливо убеждало помещиков в выгоде для них строительства промышленных заведений, через русские периодические издания популяризировало опыт помещиков, переводивших свои хозяйства на путь капиталистического предпринимательства. Представляется, что прежде всего с целью решения проблемы кадров правительство пошло на опубликование закона 1835 г. об отношениях наемных рабочих и предпринимателей. Выступления рабочих явились второй причиной, ускорившей его появление.

Позже, в связи с дальнейшим развитием промышленности, ростом численности рабочих, а также революционными событиями 1848—1849 гг. в Западной Европе, в правительственных кругах и прессе «рабочий воп-

¹³ См. ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 1, д. 5, «Журнал заседаний Московского отделения Мануфактурного совета за 1844 г.»; ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 2, д. 15, св. 3, д. 33, 1860 г.

¹⁴ ГИАМО, ф. 616, оп. 1, св. 2, д. 15, л. 110.

¹⁵ Там же, св. 3, д. 33.

¹⁶ См., напр., «Рабочее движение в России в XIX в., 1800—1860 гг.», т. 1, М., 1951, стр. 648; ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 1, д. 5, 1844 г., л. 149.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 21, д. 7596, 1860, л. 2; д. 7315, 1848 г., л. 2.

рос» приобретает значение социальной проблемы. Такое звучание он получает в проекте А. А. Закревского 1848 г., в правительственных комиссиях в 50-х годах XIX в., в печати. Если в 30—40-х годах господствовало убеждение, что «зловещие» понятия «пауперизма» и «пролетариата» в нашем языке не имеют еще соответствующих себе слов, то в 50-х годах высказывается мнение, что «пролетариат, очевидно, существует»¹⁸. Помимо указанных причин, правительственные акты 30—50-х годов по «рабочему вопросу» должны были предотвратить появление в России «проблемы пауперизма».

В декабре 1832 г. Московский военный генерал-губернатор князь Д. В. Голицын составил проект «Предложений о мерах к прекращению жалоб между фабричными рабочими и их хозяевами», призванный решить две задачи: 1) создать более благоприятные условия для фабрикантов по обеспечению промышленности постоянными кадрами рабочих и 2) сократить жалобы рабочих на фабрикантов, приглушить недовольство рабочих, предотвратить их выступления. Пытаясь решить эти задачи, Голицын предлагал запретить помещикам, отпускавшим крестьян в город на заработки, отзывать их обратно до истечения срока договора. Содержателям фабрик и заводов вменялось в обязанность иметь у себя книги для записи условий договора, передавая каждому рабочему «рядные листы», с отметками расчетов фабриканта с рабочим. Контроль за ведением расчетных тетрадей возлагался на местные власти. Помимо расчетных книжек, фабриканты были обязаны вывешивать объявления с перечислением обязанностей рабочего на фабрике. Проект Голицына вместе с тем лишал рабочего права перехода от одного хозяина к другому до истечения сроков договора¹⁹.

В марте 1833 г. большинство членов Московского отделения Мануфактурного совета, куда поступил проект Голицына, и приглашенные для обсуждения фабриканты прислали свои замечания на этот проект. Они в принципе согласились с необходимостью «для благосостояния фабрик» ввести предлагаемые Голицыным правила, но возражали против статей проекта, несколько стеснявших произвол предпринимателя. При обсуждении проекта столкнулись классовые интересы дворян и буржуазии (мнением рабочих никто не интересовался). Члены Московского отделения из дворян отстаивали право отзыва крестьян в любое время, как это было прежде, объясняя свои возражения заботой не только об интересах дворянства, но фабрикантов и даже рабочих²⁰. Напротив, купцы — Прокофьев, Рыбников, Рогожин, Урусов, Веретенников — признавали статью первую (запрещавшую помещикам отзыв крестьян до истечения срока договора) нужной, ибо «безвременные и своевольные отлучки мастеров с фабрик уже давно озабочивают фабрикантов». Вопрос о введении расчетных тетрадей вызвал разногласия среди фабрикантов. Одни из них признавали введение расчетных книг «полезным и удобным», а другие считали эту меру излишней, поскольку каждая значительная мануфактура имеет специальные конторы, в которых производится расчет с рабочими, и введение расчетных книг только усложнит делопроизводство. Все фабриканты возражали против статьи четвертой проекта, в которой указывалось, что частые жалобы рабочих происходят по большей части от «несправедливости самих хозяев»²¹.

В проекте Голицына фабриканты увидели посягательство на их неограниченные права и восстали против контроля за их деятельностью со стороны правительства. Поэтому при голосовании проекта в целом лишь

¹⁸ ЖМВД, 1845, ч. 10, раздел «Смесь», стр. 335; «Труды ВЭО», т. III, 1859, стр. 109.

¹⁹ ФБОН, Журнал Московского Мануфактурного отделения, 1833, лл. 1—1 об.

²⁰ Там же, л. 39.

²¹ Там же, 1833, л. 35; М. И. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 133.

три члена отделения признали проект Голицына «необходимым», а пять — «неудобоисполнимым»²².

Члены Московского отделения отмечали, что предложенные Голицыным меры «не принесут фабрикантам пользы... и затруднят мелкие фабрики, которые составляют значительную промышленность обширным производством дешевых товаров и, удовлетворяя надобностям среднего и низшего класса потребителей, способствуют образованию капиталов»²³.

Обсуждение проекта Голицына показало известные противоречия интересов дворян и буржуазии в вопросах промышленного развития государства, а также стремление последней отстаивать свою самостоятельность под тем предлогом, что введение контроля за деятельностью фабрикантов стеснит свободу промышленности.

Мануфактурный совет в Петербурге поддержал заключение Московского отделения. Однако правительство, понимая важность для государства развития промышленности и связанного с ним вопроса о кадрах рабочих, предписало Мануфактурному совету еще раз рассмотреть проект Голицына, усилить статьи, направленные на защиту интересов предпринимателей, и передать проект на рассмотрение Министерства внутренних дел, а оттуда в Государственный совет, мнение которого было утверждено императором 24 мая 1835 г.²⁴.

Так появился первый в России закон, регулировавший отношения между наемными рабочими и хозяевами промышленных предприятий. Его публикация была одним из свидетельств зарождения в крепостной России противоречий складывавшегося буржуазного общества. Закон 1835 г. закреплял за каждым гражданином, получившим паспорт или билет, право наниматься на фабричные работы. Он запрещал помещику отзывать крепостного с фабрики до истечения указанного в паспорте срока. По закону рабочий не имел права оставить работу ранее указанного в договоре срока без согласия хозяина фабрики, а последний имел право отпустить рабочего в любое время под предлогом «невыполнения рабочим его обязанностей или за дурное поведение», о чем хозяин обязан был объявить работнику за две недели. Фабриканту вменялось в обязанность заключать с рабочими письменные свидетельства, выдавать листы с записью условий договора, с указанием сдельной, месячной или поденной платы. Продление срока договора с рабочим разрешалось лишь с согласия помещика, которому принадлежал рабочий. Первоначально этот закон «для опыта» вводился на предприятиях Москвы и Петербурга, а затем, по специальному разрешению министра финансов и просьбе отдельных фабрикантов и гражданских губернаторов, — «в других значительных мануфактурных городах и больших фабриках»²⁵.

Закон 1835 г., по сравнению с проектом Голицына, шире представлял интересы буржуазии за счет ущемления прав рабочих. В закон 1835 г. вошли статьи проекта Голицына, обязывавшие фабрикантов выдавать рабочим расчетные листы, но, в отличие от проекта, никакого контроля за выполнением этих условий введено не было, что сильно снижало действенность этой статьи.

Закон 1835 г. должен был сократить текучесть рабочей силы, затруднить отзыв помещиками рабочих из городов, оградить интересы фабрикантов и уменьшить поток жалоб рабочих на предпринимателей путем введения письменных условий о найме. Идя навстречу дворянству, правительство не решилось придать обязательную силу закону 1835 г., оно опасалось этим усилить подвижность населения, затруднить помещикам использование крестьянского труда в прежних размерах. Не случайно

²² ФБОН. Журнал Московского Мануфактурного отделения, 1833, л. 45.

²³ Там же, л. 47об.

²⁴ ПСЗ, Собр. 2, т. X, 1835, № 8157.

²⁵ ПСЗ, Собр. 2, т. X, № 8157, § 10.

первая статья Положения 1835 г. говорила о том, что наниматься на работу могли лишь лица, имевшие паспорта, и притом на время, не превышающее срок паспорта²⁶. Но при всей своей половинчатости закон 1835 г. был несомненно уступкой буржуазии, свидетельствовал о сдвигах в сторону капитализма и говорил о начавшемся процессе формирования пролетариата и промышленной буржуазии. Он был первым законодательным решением «рабочего вопроса». Все существовавшие до него законоположения, регулировавшие наем рабочей силы, касались крепостного населения, а закон 1835 г. вводил известные ограничения прав помещиков над крестьянами и расширял права фабрикантов.

Во второй половине 30-х — начале 40-х годов положение 1835 г. было введено в большинстве промышленных губерний России²⁷. Следует сказать, что в 30-х — начале 40-х годов с требованием распространить закон 1835 г. на другие губернии обращались преимущественно фабриканты текстильной промышленности. Позже прошения подобного рода стали поступать от предпринимателей других отраслей²⁸.

Появление закона 1835 г. не предотвратило столкновения рабочих и хозяев. С развитием промышленности обострялись отношения между трудом и капиталом и правительство все чаще и чаще возвращалось к обсуждению «рабочего вопроса». Настроения рабочих не могли не беспокоить царизм. Николай I через министра финансов передавал московским фабрикантам «внушения» следить за чистотой в мастерских и рабочих палатах, заниматься обучением малолетних, учреждать при фабриках, где более 50 рабочих, больницы, следить за нравственностью рабочих и проч.²⁹

К числу подобных паллиативов нужно отнести и записку Канкрин от ноября 1836 г., получившую одобрение императора, в которой излагались меры, «предохраняющие детей от разврата и направляющие к религиозной жизни».

По образцу закона 1835 г., касавшегося найма фабричных рабочих, правительство пыталось решить вопрос о найме других категорий вольнонаемных работников. Участвовавшие случаи побегов судовых рабочих заставили Сенат в июле 1835 г. обратиться к главноуправляющему путями сообщения гр. Толю с предложением выработать меры «к удержанию судорабочих от побегов». Составленный гр. Толем проект положений «О взаимных правах и обязанностях судохозяев и судорабочих» был представлен в октябре 1836 г. в Государственный совет и 31 декабря 1836 г. утвержден императором. Закон должен был путем «учреждения обязательных артелей, увеличения наемной платы судорабочим уменьшить между ними побег»³⁰. Согласно положению наем рабочих на судовые работы производился по свободному договору краткосрочно (если работа велась не далее 30 верст от места жительства) и по билетам «продолжительно, в отлучку». Во втором случае судохозяин обязан был иметь две шнуровые тетради, одна из которых отдавалась смотрителю или полицмейстеру судоходства, а вторая оставалась у судохозяина. В тетрадь вносились имена всех вольнонаемных людей с обозначением их билетов, паспортов, условий найма и срока договора. По отношению к «нерадивым», «ленивым», «порывавшимся к побегам» хозяину разрешалось удерживать часть платы в пользу артели, или применить телесные наказания. Все нанявшиеся на работу были связаны круговой порукой, «дабы в случае побега кого-либо из артели хозяин имел право возвратить с артели то количество денег, которое не заработал бежавший, если он получил задаток или был на харчах хозяина». Закон вменял в

²⁶ ПСЗ, Собр. 2, т. X, № 8157.

²⁷ См. подробнее Б. Н. Казанцев. Источники по разработке законов...

²⁸ ПСЗ, Собр. 2, т. XXII, 1848, № 31116.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 11, л. 173.

³⁰ ЖМНТ, 1837, № 4, стр. 12; ПСЗ, Собр. 2, т. XI, 1836, № 9818.

обязанность хозяевам составлять артели на местах. Новые положения предлагалось вводить постепенно в течение трех лет: в 1837 г. ограничиться разъяснением закона, в 1838 г. требовать введения судебных тетрадей и лишь с 1839 г.— настаивать на исполнении всех правил³¹.

Почти одновременно с подготовкой законопроекта о найме судоробочих правительство приступило к выработке положений о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири, утвержденных императором 30 апреля 1838 г.³² Этот закон появился в связи с дальнейшим распространением золотого промысла в Западной и Восточной Сибири, хищением золота, участвовавшими случаями волнений и побегов рабочих. По новому положению запрещалось производить золотой промысел без разрешения министра финансов. К промыслу допускались только дворяне, почетные граждане, купцы первой и второй гильдий. Под угрозой предания военному суду запрещалось хищение золота. Специальный раздел положения касался порядка найма и управления рабочими. Хозяевам приисков запрещалось брать на работу без билетов и паспортов. Срок найма рабочих не должен был превышать одного года, после чего договор мог быть возобновлен в волостном правлении. Рабочий день должен был начинаться не ранее 5 часов утра и кончаться не позже 8 часов вечера с перерывом на обед и отдыхом в воскресные и праздничные дни. Выплата рабочему денег, а также вычеты, сделанные по договору или вследствие нарушений рабочим условий найма, должны были вноситься в расчетный лист. Все прочие стороны жизни рабочего, согласно положению, решались по усмотрению договаривавшихся сторон.

Все эти законы, по мысли правительства, должны были удерживать под государственным контролем рабочих в промышленности и ослабить их недовольство. По понятным причинам основное внимание царизм обращал на рабочих фабрично-заводской промышленности.

В декабре 1840 г. по распоряжению Николая I была создана комиссия под председательством графа Буксгевдена для рассмотрения «во всей подробности» быта рабочих и ремесленников Петербурга. По предположению В. К. Яцунского, причиной обследования была боязнь эпидемических заболеваний, весьма частых в Петербурге³³. Думаю, что главной причиной создания комиссии явилось беспокойство правительства, вызванное значительным увеличением числа рабочих, что усиливало опасность их выступления. Наибольший интерес для нашей темы имеют донесения члена комиссии ст. сов. Ознобишина, чиновника Министерства финансов. Его группой были обследованы 199 рабочих помещений на Охтенской, Васильевской и 2-й Адмиралтейской частях города (т. е. в районах, наиболее густо населенных рабочими). Из 199 квартир были найдены удобными и теплыми лишь 48; в 199 квартирах проживало 3770 рабочих, из них 36 женщин, 39 девочек, 2872 мужчины и 823 мальчиков (т. е. одна треть малолетних). Особенно много было детей на фабриках шелковых и шерстяных изделий, а также сигаретных и мебельных³⁴. «Дети заслуживают особого внимания правительства,— писал Ознобишин,— так как это будущие производители и к улучшению их быта за границей сделаны многие новые постановления». «Самое жалкое состояние рабочих и поденщиков, не имеющих постоянных работ...». Эти люди помещаются в самых холодных помещениях, «не всегда имеют горячую пищу»³⁵,— замечал он. Всего членами комиссии было осмотрено 1077 помещений, из них: 411 комиссия нашла удобными, 428 — посредственным и 238 дурными³⁶. Следует отметить одно любопытное на-

³¹ ЖМИТ, 1837, № 4, стр. 13.

³² ПСЗ, Собр. 2, 1838, № 11188.

³³ См. В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 135.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 8, д. 577, лл. 7; 11—12.

³⁵ Там же, лл. 13, 9.

³⁶ См. В. К. Яцунский. Указ. соч., стр. 141.

блюдение Ознобишина в донесении от 26 марта 1841 г. «Чем богаче хозяева, фабриканты, подрядчики,— замечал он,— тем менее обращают они внимание на благосостояние своих работников». Пытаясь смягчить невыгодное впечатление от проведенного обследования, Ознобишин писал: «Если учесть, что большую часть времени рабочие бывают не в помещениях, а дома только спят, если учесть, что помещения просыхают, а вид у рабочих здоровый и веселый, не изнуренный, то следует, что плохие условия имеют небольшое влияние на состояние здоровья рабочих». По материалам Комиссии, Бенкендорф составил записку, которая обсуждалась в Комитете Министров 23 декабря 1841 года и 7 января 1842 г.³⁷ Записка Бенкендорфа касалась: а) мер к улучшению быта и нравственности мастеровых и рабочих в Петербурге; б) средств к ограждению людей от притеснений подрядчиков и хозяев; в) способов к уменьшению вреда для жителей от плохого устройства в некоторых заведениях мастерских и стока нечистот в Неву и каналы с фабрик и заводов. Комитет министров, соглашаясь с предложениями Бенкендорфа, счел полезным учредить Попечительный комитет под председательством Петербургского военного генерал-губернатора, цель которого сводилась «к заботе об улучшении быта и нравственности рабочих». Комитет, по замыслу его устроителей, должен был обладать судебной властью при разборе тяжб рабочих и предпринимателей. Однако этот проект, мало что менявший в положении рабочих, не был проведен в жизнь.

Столь же безрезультатны были многочисленные проекты о создании «Мануфактурных расправ» в крупных промышленных городах. Московское отделение Мануфактурного совета на заседании от 1 марта 1834 г. вынесло на рассмотрение его членов проект организации «Мануфактурной расправы», своеобразных промышленных судов, о чем еще в 1836 г. писал владимирский генерал-губернатор³⁸. «Мануфактурная расправа» должна была рассматривать жалобы рабочих на фабрикантов, а также взаимные жалобы фабрикантов друг на друга, жалобы помещиков и фабрикантов, касавшиеся рабочих³⁹. Предложения Московского Мануфактурного отделения шли по линии смягчения противоречий между рабочими и хозяевами в пользу последних. Но правительство, сделав уступку буржуазии опубликованием закона 1835 г., не желало дальнейшего укрепления ее позиции даже созданием такого учреждения, ограждавшего права буржуазии, как «Мануфактурная расправа», которая, помимо расследования жалоб рабочих и фабрикантов, была компетентна решать конфликты между помещиками и предпринимателями. Поэтому московский военный генерал-губернатор заявил, что с открытием Мануфактурного суда «спешить не стоит, так как взаимные жалобы по большей части прекращаются миролюбиво»⁴⁰. В 1845 г. Рижский Мануфактурный комитет составил проект устава фабричной полиции в Лифляндии, создаваемой «для сохранения нравственности и порядка при фабриках». В компетенцию фабричной полиции входило обсуждение «маловажных проступков фабричных рабочих», а также забота о вознаграждении владельцев фабрик за ущерб, им причиненный по вине рабочих.

Проект Рижского комитета через Комитет министров был передан министру внутренних дел. Последний считал излишним создание фабричной полиции, поскольку «все обязанности, возлагаемые проектом на фаб-

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 8, д. 577, лл. 11об.—12, 7—8, 24.

³⁸ Там же, л. 24, 48; ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 148об.

³⁹ ФБОН. Отчет Московского Мануфактурного отделения, 1843, л. 9—9об.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1927, лл. 47—49.

ричную полицию, находятся в компетенции Земской полиции, а последняя справляется с этими обязанностями»⁴¹.

Едва ли прав Б. Н. Казанцев, объясняя сопротивление правительства созданию фабричной полиции только революционными событиями 1848 г.⁴² Разумеется, революция в Западной Европе и брожение внутри страны представляли опасность для царизма. Но фабричная полиция, согласно проекту, создававшаяся на каждом крупном предприятии, должна была разбирать лишь «маловажные дела». Во главе ее, как правило, стояли мастера, занимавшие на предприятии привилегированное положение. Сомнительно, чтобы такая организация могла представлять большую опасность для устоев самодержавия. Скорее ее появление свидетельствовало об обострении противоречий между рабочими и фабрикантами.

Царизм усматривал в предложении местной буржуазии по созданию фабричных судов и фабричной полиции некоторое ущемление прав помещиков. Не случайно, что правительство в качестве одной из причин, заставивших отклонить проект Рижского Мануфактурного комитета, выдвигало тот факт, что среди рабочих находились помещичьи крестьяне, которые не имели права на выборы⁴³. Отказ правительства утвердить проект Рижского Мануфактурного комитета, видимо, был связан с двумя причинами — с революционными событиями в Европе и опасениями усилить буржуазию в ущерб помещикам.

Многочисленные правительственные комиссии, создаваемые в 40—50-х годах для урегулирования «рабочего вопроса», не улучшили положения рабочих, ибо вся «забота» правительства об их благе ограничивалась лишь обещаниями. По-прежнему не существовало охраны труда, зарплата оставалась низкой, на ночных работах, наряду с мужчинами, применялся женский и детский труд. В 1844 г. произошло массовое выступление рабочих Вознесенской бумагопрядильни в Московской губернии, подавленное вооруженной силой. Оно настолько обеспокоило правительство, что уже в 1845 г. в существовавшее уложение о наказаниях были внесены новые статьи. Одна из них предусматривала «в случае любого неповиновения фабричных и заводских людей владельцу — подвергать виновных наказаниям, определенным... за восстание против властей». Другая статья впервые вводила меры наказания за неповиновение рабочих, как за стачку работников предприятия. За прекращение работы раньше установленного срока рабочие подвергались аресту: руководители — от 3 недель до 3 месяцев, а прочие — от семи дней до 3 недель⁴⁴.

Но правительство понимало, что одними репрессиями нельзя «умиротворить» рабочих. Необходимы были иные меры, создававшие видимость правительственной опеки над рабочими. В этом отношении интересен рапорт московского гражданского губернатора Капниста о состоянии губернии. Капнист специально остановился на вопросе «об удобнейшем распределении работ на московских фабриках и об уменьшении времени ночного производства, весьма тяжелого для рабочих, особенно для малолетних». Как показало обследование членами Московского отделения Мануфактурного совета московских предприятий, ночная работа производилась наиболее широко на бумагопрядильных фабриках. Видные московские фабриканты, приглашенные на заседание Мануфактурного отделения, вынуждены были согласиться с мнением исследователей и признать целесообразным запретить ночную работу для детей моложе

⁴¹ Центральный государственный исторический архив в Риге (ЦГИАР), ф. 107, оп. 3, д. 50, л. 41—43, 52.

⁴² Б. Н. Казанцев. Рабочий вопрос и фабрично-заводское законодательство в России в 30—50-х годах XIX в., канд. дисс., М., 1955.

⁴³ ЦГИАР, ф. 107, оп. 3, д. 50, л. 118.

⁴⁴ «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», СПб., 1845, статьи 1791, 1792.

12 лет⁴⁵. В итоге правительство предписало фабрикантам, «чтобы они малолетних рабочих 12 лет и моложе не назначали в смену с полуночи до 6 час. утра, предоставляя контроль за этим решением местному начальству». Это заключение министра финансов было утверждено императором 7 августа 1845 г.⁴⁶

В последние предреформенные десятилетия, когда особенно широкие размеры приобрела борьба крестьян с помещиками, правительство опасалось слияния крестьянского и рабочего движения в единый антиправительственный поток. В этих условиях царизм особенно активно вмешивался в отношения рабочих и хозяев.

В ноябре 1847 г. Московский военный генерал-губернатор А. Г. Щербатов, после обсуждения «с опытными в этом деле людьми», представил министру финансов Вронченко записку, в которой сообщал о получении «в большом количестве» взаимных жалоб рабочих и хозяев, причины которых он видел в отсутствии правил по найму и расчету рабочих. Щербатов предлагал выяснить порядок, существовавший по найму рабочих, характер жалоб и меры, которые могли бы «исправить положение»⁴⁷.

При расследовании оказалось, что наем рабочих производился в большинстве случаев «по словесным условиям». Лишь некоторые фабриканты имели краткие печатные правила, указывавшие на обязанности рабочих и продолжительность рабочего времени. Щербатов полагал, что введение письменных условий, обязательных для всех фабрикантов, предотвратит конфликты между рабочими и предпринимателями. В случае возникновения таковых он предлагал избирать среди рабочих одного посредника от 25 или 50 человек (в зависимости от числа рабочих на предприятии). По существу они должны были являться своеобразной «рабочей инспекцией». Проведение в жизнь последнего предложения Щербатова явилось бы существенным дополнением закона 1835 г.

Проект московского генерал-губернатора, подобно другим предложениям, выходившим из среды господствовавших классов, был направлен на защиту их интересов. Он позволял предпринимателю освобождаться от неугодных ему рабочих, используя для этого статью «о дурном поведении» рабочего, оправдывал штрафы, устанавливал мелочную опеку над рабочими. Новым в проекте Щербатова был институт посредников, избираемых из среды рабочих, без участия которых фабрикант не имел права рассматривать ни одно конфликтное дело. Это положение проекта ограничивало произвол предпринимателя и вызвало протесты буржуазии, не желавшей контроля над своими действиями. Неслучайно, что именно члены Мануфактурного совета сочли нецелесообразным вводить проект Щербатова в жизнь на том основании, что «существующие правила 1835 г. вполне достаточны». Совет министра финансов на своем заседании от 12 февраля 1848 г. поддержал мнение Мануфактурного совета о нецелесообразности вводить в жизнь проект Щербатова, предложив, однако, фабрикантам выдавать рабочим расчетные листы с указанием условий найма.

В декабре 1848 г. по инициативе Совета министра финансов было решено дополнить положения 1835 г. новыми статьями, касавшимися отношений хозяев фабрик с рабочими, считая обязательным для всех фабрикантов выдачу рабочим расчетных листов⁴⁸. Сам факт, что в проекте Щербатова основное внимание обращалось на отношения рабочих и предпринимателей, свидетельствовал о возросшей силе рабочих, с которой не могли не считаться московские власти. Именно поэтому Щербатов предлагал ввести статью, признававшую за рабочими право избра-

⁴⁵ См. подробнее В. Ю. Гессен. Указ. соч., стр. 51—53.

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. алф. 35, д. 1715, л. 612 (об); ПСЗ, Собр. 2, т. XX, № 19262.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1927, л. 1; См. также Б. Н. Казанцев. Источники по разработке законов...

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1927, лл. 135, 142.

ния из своей среды посредников, защищавших их интересы. Этой уступкой московский военный генерал-губернатор рассчитывал несколько притушить недовольство рабочих. Но буржуазия не захотела ограничивать свои права и единодушно, при полной поддержке правительства, отказалась принять проект, хотя большинство его статей было направлено на защиту интересов предпринимателей, а введение мелочной регламентации над рабочими вполне соответствовало условиям крепостной России.

Революционные события 1848—1849 гг. в Западной Европе и волнения в России заставили царизм возвратиться к мерам по усилению полицейского надзора за крестьянами, рабочими, а также иностранцами, проживавшими в России.

Еще в апреле 1826 г. под предлогом оздоровления воздуха в городах Комитет министров принял решение о переносе промышленных предприятий, вредных для здоровья горожан, вниз по течению рек. Это постановление тогда вызвало протесты предпринимателей. Московский генерал-губернатор Д. В. Голицын под нажимом московских промышленников добился разрешения сохранить действующие предприятия на прежних местах с запрещением открытия новых, «сморд и нечистоту производящих»⁴⁹. В 1826 г. меры, ограничивавшие промышленное производство, аргументировались правительством исключительно антисанитарными действиями предпринимателей: их не связывали с концентрацией рабочих в крупных городах.

Иначе стоял вопрос в 40-х годах XIX в. В октябре 1840 г. в Москве была создана комиссия, которая должна была решить главный вопрос — «о целесообразности дальнейшего развития крупной промышленности Москвы и уезда, действующей посредством паровых машин». Решение данного вопроса ставилось в связи с замечанием Николая I, сделанным в 1832 г.: «Не должно ли в политическом отношении остановить вящее скопление фабричного народа в Москве»⁵⁰. Опасаясь зведения решительных мер по сокращению городской промышленности, члены комиссии тем не менее в целях размещения промышленности на окраины предлагали ввести особые пособия и тем из фабрикантов, которые будут устраивать промышленные заведения вне пределов Московского уезда. Что же касается «скопления пролетариата», то московский военный генерал-губернатор, возглавивший работу комиссии, писал, что русские фабричные не могут быть сравнены с фабричными разных государств, существующих «единственно от фабричных работ», а «наши фабричные имеют свою оседлость или по крайней мере хлеб насущный в своих деревнях»⁵¹. Мнение комиссии о нецелесообразности сокращения промышленности Москвы в 1840 г. не вызвало возражений у правительства.

Положение изменилось в 1848—1849 гг., в годы нового революционного подъема, что не могло не отразиться на промышленной политике правительства и решении «рабочего вопроса».

Еще до обсуждения проекта Щербатова в Московском Мануфактурном отделении новый московский генерал-губернатор граф А. А. Закревский 22 октября 1848 г. составил записку на имя министра финансов «О дозволении вновь учреждать фабрики и заводы в Москве». В этой записке Закревский ставил вопрос о развитии промышленности в тесную связь с рабочим вопросом. Он объяснял необходимость запрещения строительства новых предприятий в Москве и округе стремлением «избежать чрезвычайного скопления в столице людей рабочего и фабричного класса». Закревский указывал, что соединение большого числа рабочих в

⁴⁹ П. Г. Рындинский. Городское гражданство дореформенной России, М., 1958, стр. 83—84.

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 31а, д. 1321, л. 415; ф. 18, оп. 2, д. 1927, л. 166.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 31а, д. 1321, л. 424; ГИАМО, ф. 16, оп. 15, св. 2594, д. 11770, л. 1—106.

одном месте способствует «порче нравственности в этом классе людей, которые посему впадают в дурное поведение и весьма склонны к буйствам и преступлениям»⁵². Московский генерал-губернатор предлагал: 1) не допускать учреждения в Москве новых фабрик и заводов, принадлежавших частным лицам; 2) не позволять в существующих заведениях расширять производство (уменьшать объем предприятия разрешалось). Министр финансов Вронченко, которому была передана записка Закревского, не решаясь отвечать на столь категорические предложения, предложил Закревскому вручить эти соображения непосредственно Николаю I⁵³. 12 декабря 1848 г. Закревским был составлен на имя императора новый документ «О воспрещении учреждать в Москве фабрики и заводы и о мерах для наблюдения за рабочими на существующих там ныне фабриках и заводах»⁵⁴. В заключении его Закревский писал: «Правительство не должно допускать скопления бездомных и безнравственных людей, которые легко пристанут к каждому движению, нарушающему общественное или частное спокойствие». В целях сохранения связей рабочих с землей предлагалось выдавать задельную плату не рабочему, а его семье в деревню. Проект Закревского выражал интересы наиболее реакционной части дворянства, испуганной революционными событиями на Западе и в России. Он был призван задержать промышленное развитие страны. Не случайно Закревский обратил внимание правительства на Москву — центр русского промышленного производства.

По распоряжению императора записка Закревского от 12 декабря 1848 г. была внесена на рассмотрение Комитета министров, который направил ее министру финансов и министру внутренних дел. Последний, признавая важность затронутых Закревским вопросов, выражал опасение, что решительные меры, предлагаемые московским генерал-губернатором, могут принести «некоторые стеснения для промышленности». Министр финансов также возражал против основного положения Закревского (его опасения о скоплении «бездомных и безнравственных людей» в крупных городах) на том основании, что в России «фабричный не есть коренной житель городов, как за границей, где мануфактурный мастерской и работник, в случае остановки действия фабрик, лишаясь способов пропитания, становится опасным бременем для городских обществ»⁵⁵. Вронченко полагал, что в Москве нельзя учреждать лишь заведения, опасные в пожарном отношении.

Проект Закревского рассматривался также членами Московского Мануфактурного отделения, суждения которых повторяли в основном мысли министра внутренних дел и министра финансов⁵⁶.

Несмотря на возражения правительственных чиновников и членов Московского отделения Мануфактурного совета, 28 июня 1849 г. император одобрил из записки Закревского предложения «о порядке поступления рабочих на фабрики и наблюдения за их нравственностью» и с пометой «весьма важно» передал в Мануфактурный совет и Московское отделение для рассмотрения и составления проекта правил об отношениях между фабрикантами и рабочими. Следует обратить внимание на то, что Николай I утвердил несколько измененный проект, перенеся центр тяжести на «рабочий вопрос» вместо вопроса о промышленном развитии страны. Напомню, что записка Закревского от 22 октября 1848 г. называлась «О дозволении учреждать вновь фабрики и заводы в Москве». Усиление акцента на «рабочий вопрос» — показатель признания возрос-

⁵² ГИАМО, ф. 16, оп. 15, св. 2594, д. 11770, л. 1—1об.

⁵³ Там же, л. 4.

⁵⁴ Содержание записки Закревского см. М. И. Туган-Барановский. Указ. соч., стр. 140; «История Москвы», т. III, стр. 210; ГИАМО, ф. 16, оп. 15, св. 2594, д. 11770, л. 11.

⁵⁵ ГИАМО, ф. 16, оп. 15, св. 2594, д. 11770, лл. 18, 23.

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1927, лл. 170—172.

шей опасности для господствующих классов рабочих выступлений. Кроме того, положения записки, касавшиеся быта и труда рабочих, позволяли правительству объединить дворянство и буржуазию в один лагерь, в то время как замечания Закревского о сокращении промышленности Москвы вызвали серьезные возражения у фабрикантов и купечества. Следует также учитывать и то обстоятельство, что в промышленном развитии страны была заинтересована не только буржуазия, но и дворянство⁵⁷. Всеми этими моментами объясняются изменения, внесенные правительством в проект Закревского.

Согласно принятым правилам, в Москве было запрещено вновь учреждать бумагопрядильни, шерстопрядильни, чугунолитейные, стеариновые, сальные и химические заводы, а остальные — с согласия московского генерал-губернатора. Запрещения в строительстве промышленных предприятий аргументировались опасностью пожаров, засорением рек, повышением цен на топливо и продукты, т. е. «заботами о благе» населения Москвы. Нет нужды говорить, что действительная причина указанных ограничений скрывалась в боязни рабочих выступлений, особенно опасных в связи с революционными событиями в Западной Европе, «которые, — как отмечал один из чиновников департамента Мануфактур и внутренней торговли, — были причиной постановления и у нас рабочего вопроса»⁵⁸.

По правилам 28 июня 1849 г. подтверждалась обязанность хозяев фабрик и заводов каждые полгода подавать отчеты в Министерство финансов о состоянии предприятий, численности рабочих, количестве машин. Местное начальство обязано было строго следить, чтобы без его согласия фабриканты не увеличивали объема производства, числа рабочих, количества машин. Для контроля за деятельностью фабрикантов и настроением рабочих был учрежден особый Комитет во главе с московским военным генерал-губернатором. В состав Комитета, помимо правительственных чиновников, входил один из членов Московского отделения Мануфактурного совета в качестве депутата от фабрикантов и заводчиков.

Несмотря на утверждение императором правил 28 июня 1849 г., они не имели большого практического значения, поскольку призваны были задержать промышленное развитие страны, остановить закономерный ход развития России. Уже после принятия проекта Закревского в качестве обязательной меры для московских фабрикантов министр финансов в письме к Закревскому от 13 июля 1849 г. указывал, что решительное запрещение заводить в Москве всякого рода фабрики и заводы может сильно повредить нашей фабричной промышленности и остановить дальнейшие ее успехи⁵⁹. Об этом же писали московские фабриканты, отмечая сокращение промышленного производства после 1849 г.⁶⁰ Московское отделение Мануфактурного совета, через которое проходили все вопросы, связанные с открытием новых предприятий в Москве, вопреки новым правилам, находило доводы в пользу расширения старых или открытия новых предприятий, запрещенных положением.

Вслед за утверждением законопроекта Закревского 13 июля 1849 г. по распоряжению императора был утвержден Комитет для полицейского устройства фабрик⁶¹. В июле 1849 г. Мануфактурному совету и его Московскому отделению было поручено составить новые правила

⁵⁷ См. подробнее об этом Н. С. Киняпина. Промышленная политика русского самодержавия в годы кризиса феодализма. «Вопросы истории», 1965, № 6.

⁵⁸ ПСЗ, Собр. 2, т. XXIV, СПб., 1850, № 23358; ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1927, л. 167об.

⁵⁹ ГИАМО, ф. 16, оп. 5, св. 2594, д. 11770, лл. 62, 61.

⁶⁰ См. «Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и Торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых», сост. Терентьев, М., 1915, стр. 182.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 18, оп. 2, д. 1373, л. 1. Официальной целью Комитета было «наблюдение за устранением на фабриках и заводах в Москве и ее уезде опасности от пожара и порчи воды».

об отношениях между рабочими и фабрикантами. Для решения этого вопроса был составлен особый комитет, который представил свои соображения московскому военному генерал-губернатору. Члены комитета граф Бобринский, полковник Ренненкамф, барон Штиглиц, представлявшие интересы предпринимателей, были противниками вмешательства местной власти в действия фабрикантов. Они выступили против введения строгих правил, регламентирующих отношения хозяев и рабочих, считая, что отношения должны регулироваться «не столько правилами, сколько взаимной выгодой». «Теперь работник ищет хозяина,— заявляли они,— а тогда хозяин будет искать работника и заключать с ним условия, не зная ни его способностей, ни поведения». Члены Комитета возражали против передачи зарплаты рабочего членам его семьи в деревне, полагая, что такие меры могут «погасить у рабочих охоту к труду»⁶².

Проект Закревского представлял собой крепостническую реакцию на возрастание промышленности и рабочего класса. Замечания же Комитета давали некоторый простор предпринимательской инициативе, содействовали развитию буржуазных отношений в стране. Выступая против вмешательства фабрикантов в личную жизнь рабочего, считая, что полицейский надзор за рабочими может привести к возмущению рабочих, они отстаивали, по существу, буржуазные интересы.

В июне 1850 г. Закревский, вновь уведомляя министра финансов о возрастании числа жалоб рабочих на хозяев, предлагал до утверждения общих правил, определявших взаимные отношения фабрикантов и рабочих, установить единую форму расчетной тетради⁶³. Причем в расчетной тетради, в ее первой части, говорилось об обязанностях и правах хозяев, во второй — только об обязанностях рабочих. В первой части определялись условия найма рабочих с указанием срока отпуска, характера работы, платы за нее и прежнего местожительства. Хозяин не имел права понизить сдельную или месячную плату до истечения условного срока, заставить рабочих вместо платы деньгами получать ее товарами, обязан был обращаться с нанявшимися на его фабрику «справедливо и кротко». Вместе с тем по ст. 12 хозяин имел право даже до истечения договорного срока «из-за невыполнения рабочим своих обязанностей или за дурное поведение» увольнять рабочих, объявляя им об этом за две недели. Члены Мануфактурного совета предлагали исключить ст. 12 и предоставить фабриканту право «увольнять неугодного рабочего немедленно», поскольку «рабочий дурной нравственности может по злобе на хозяина за удаление в течение двух недель нанести ему такой вред, которого нельзя вознаградить никакими взысканиями».

Во второй части расчетной тетради, касавшейся обязанностей мастеровых и рабочих, устанавливались нормы поведения рабочего на производстве и в быту, говорилось о «послушании и почтительности» рабочих. Проект правил вводил строгую опеку фабриканта над рабочими. Без разрешения хозяина рабочие не имели права приглашать к себе знакомых, являться домой позже указанного хозяином времени и т. д. За нарушение этих правил рабочие подвергались штрафу. До истечения договорного срока рабочий не имел права без согласия хозяина оставить фабрику или требовать прибавки зарплаты⁶⁴. За ущерб, причиненный хозяину по вине рабочего, последний должен был возмещать убытки. За массовое неповиновение предпринимателю («целою артелью») виновные подвергались наказаниям по статье 1791 «Уложения о наказаниях», как

⁶² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 4, д. 1295, лл. 85, 91, 101. См. М. И. Туган-Барановский и др. Указ. соч., стр. 141.

⁶³ «Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного», СПб., ч. I, 1863, стр. 276—277.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. т. IV, д. 26, лл. 12, 16. Эти условия были применены в законодательстве царизма 1886 г.

за восстание против властей (§ 33). За стачку виновные наказывались по статье 1792 «Уложения о наказаниях» (§ 36).

Таким образом, проект правил, предложенный Мануфактурным советом и одобренный Советом министра финансов по сравнению с предложениями Закревского был освобожден от статей, ограничивавших власть фабриканта и обуславливавших его зависимость от местного начальства и помещика. Он шел по линии расширения прав предпринимателей. Мануфактурный совет исключал из тетради правила о найме по паспортам (ссылаясь на закон 1835 г., содержащий такую статью), несколько стеснявшие предпринимателя. Напротив, проект Закревского был направлен на подчинение рабочего, а отчасти и фабриканта власти помещика. Представляя интересы буржуазии, члены Мануфактурного совета в составленный ими проект внесли новые статьи о наказаниях рабочих за коллективные выступления и стачки. В предложениях Мануфактурного совета, по существу, были обойдены права рабочих.

Составленный Мануфактурным советом проект был передан в 1852 г. московскому военному губернатору «для соображения», и одновременно было дано распоряжение департаменту Мануфактур и внутренней торговли напечатать нужное число экземпляров расчетных тетрадей и передать их фабрикантам⁶⁵. Однако и после этого распоряжения расчетные тетради не были введены. 19 апреля 1854 г. Государственный совет рассматривал заключение министра финансов и решил, что при настоящих политических обстоятельствах, «когда Петербург с С.-Петербургской губернией объявлены на военном положении и когда необходимо иметь за фабричными рабочими особый усиленный надзор, весьма было бы неудобно делать какие-либо изменения в существующем порядке отношений фабрикантов и рабочих». 17 мая 1854 г. в итоге Государственный совет предложил отложить введение расчетных тетрадей «до обстоятельств более благоприятных»⁶⁶. Разработка законоположений по рабочему вопросу в правительственных комиссиях и министерствах отчасти напоминает работу секретных комитетов по крестьянскому делу, члены которых вносили множество предложений, несколько не продвинув решения крестьянского вопроса. Обсуждение «рабочего вопроса» не привело к практическим результатам, однако оно показало известные различия в программах буржуазии и дворянства и вместе с тем их единство в борьбе с революционной опасностью. Предложения Закревского, направленные на сокращение промышленности Москвы, поддержанные императором, явились показателем определенных колебаний в политике правительства, когда оно от активного покровительства и поощрения промышленности готово было пойти на искусственное сокращение промышленного производства в центре страны, надеясь таким путем уменьшить число рабочих в крупных городах и предотвратить народные выступления.

С окончанием Крымской войны правительство вновь возвратилось к обсуждению вопросов, связанных с развитием промышленности и кадров для нее. Но решать их царизм по-прежнему стремился так, чтобы не задеть интересы дворянства.

В связи с протестами рабочих против усиления капиталистической эксплуатации и общей революционной обстановкой правительство не решилось ограничиться незначительными добавлениями к существовавшим законодательным актам. Оно вынуждено было пойти на изменение старых промышленных и ремесленных уставов, создав в 1859 г. при Министерстве финансов особую комиссию по их пересмотру. В состав комиссии вошли чиновники Министерства финансов и Министерства внутренних дел, закончившие свою работу в 1862 г.

⁶⁵ «Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного», ч. I, СПб., 1863, стр. 221; ч. II, стр. 223.

⁶⁶ «Труды комиссии», ч. I, стр. 278.

При составлении нового промышленного устава неизбежно встал вопрос о регулировании взаимоотношений рабочих и предпринимателей. Члены комиссии, ограждая права предпринимателей, ограничились рекомендацией фабрикантам ввести рабочие тетради. Они считали, что взаимоотношения между фабрикантами и рабочими должны определяться «словесным или письменным» договором. Однако до отмены крепостного права предложения Комиссии не были реализованы. Лишь в 1862 г., вместе с разработкой проектов других буржуазных реформ, был утвержден новый промышленный устав и введены расчетные тетради.

Рост промышленности, особенно заметный после Крымской войны, заставлял правительство проявить больше гибкости в решении «рабочего вопроса», в частности в поисках средств предупреждения несчастных случаев среди рабочих. В феврале 1859 г. в Петербурге была создана Комиссия во главе с петербургским губернатором для составления правил «к ограждению рабочих от увечий». С этой целью были осмотрены фабрики Петербурга и обращено особое внимание на быт и условия труда малолетних, ибо закон 1845 г. не проводился в жизнь. В 1860 г. был составлен проект правил для фабрик и заводов Петербурга и уезда, согласно которому не разрешалось допускать к машинам взрослых работников и детей, не знакомых с устройством машин, чинить машину во время ее действия; фабрикантам рекомендовалось вывешивать печатные правила о мерах предосторожности при обращении с машинами; указывать зарплату, продолжительность рабочего дня, размеры штрафов с рабочих. В проекте правил не разрешался прием детей моложе 12 лет на фабрики; запрещалась ночная работа детей⁶⁷. Для контроля за работой фабрик предлагалось ввести должность инспектора и двух помощников. За нарушение правил безопасности с фабрикантов взимался штраф. Кроме того, хозяин обязан был вознаграждать рабочего за полученную на работе травму, а в случае полной потери трудоспособности — обеспечить его существование. Этот проект был направлен для обсуждения в промышленные губернии страны. Ряд его статей вызвал возражения фабрикантов. В частности, они отказывались отвечать за несчастные случаи, происходившие с рабочими, считая их неизбежными; выступали против унификации условий найма на том основании, что каждый предприниматель заключает договор с рабочим отдельно от других хозяев; возражали против необходимости улучшить условия жизни рабочих, ссылаясь на отсутствие капиталов у фабрикантов, и против отмены ночного труда малолетних⁶⁸. На заметки фабрикантов была составлена сводная записка, подписанная тверским гражданским губернатором Барановым, в написании которой, как доказал Н. Журавлев, принимали участие чиновник особых поручений А. И. Забелин и знаменитый сатирик, тогда тверской вице-губернатор, М. Е. Салтыков⁶⁹. Авторы сводной записки обвиняли фабрикантов в защите лишь своих корыстных интересов. «Ни о народном богатстве, ни о воспитании детей народа фабриканты не думают, — писали они, — а заботятся единственно о своем кармане». В заключении записки говорилось о необходимости улучшения положения рабочих и введения новых правил о фабриках и заводах.

Московские и петербургские фабриканты возражали против введения на предприятиях инспектора с помощниками, назначенных правительством, усматривая в этой мере ущемление их прав. Они считали целесообразным возложить надзор за фабриками на самих хозяев или членов Мануфактурного совета и мануфактурных комитетов⁷⁰.

Споры по проекту комиссии выявили некоторые разногласия во взглядах правительства и буржуазии на законодательное регулирование «ра-

⁶⁷ «Труды комиссии», ч. I, стр. 291, 321—322, 327.

⁶⁸ Там же, стр. 255—260.

⁶⁹ «Красный архив», 1939, т. 1 (92), стр. 135—136.

⁷⁰ «Труды комиссии», ч. I, стр. 290, 334.

бочего вопроса». Замечания фабрикантов свидетельствовали о нежелании буржуазии пойти даже на малейшие ограничения своих прав по отношению к рабочим, а также о ее стремлении занять видное место в экономической жизни государства. Основные предложения комиссии, возглавлявшейся петербургским генерал-губернатором, были одобрены комиссией, созданной при Министерстве финансов для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. В ее работе большое место занимали вопросы, связанные с условиями быта рабочих. Члены последней Комиссии сочли целесообразным внести в новый устав о промышленности статьи об условиях найма рабочих, о продолжительности рабочего дня, об институте инспекторов. Они признали также необходимым ввести специальные промышленные суды, которые должны были бы разбирать конфликты между предпринимателями и рабочими⁷¹. Последнее предложение, внесенное московским военным генерал-губернатором, было вызвано возрастанием количества столкновений между рабочими и предпринимателями.

В 1862 г. новый устав о промышленности был опубликован. Однако при окончательной подготовке устава были учтены многие предложения фабрикантов, не принятые в свое время членами двух вышеуказанных комиссий. А введение института инспекторов, промышленные суды, запрещение детского труда были изъяты из устава. Таким образом, царское правительство в своей промышленной политике не могло не считаться с требованиями буржуазии, тем более, что они по ряду вопросов не вступали в противоречие с интересами дворянства.

Подведем некоторые итоги.

Постановка «рабочего вопроса» была вызвана развитием крупной промышленности, применением вольнонаемного труда и машин.

Рост капиталистического уклада влиял на изменения характера и форм народной борьбы с царизмом. Наряду с выступлением крепостных крестьян против помещиков как главной линией классовой борьбы обострялись отношения между фабрикантами и наемными рабочими, которые испытывали гнет двойной эксплуатации, капиталистической и феодальной. Уже в предреформенные годы появляются специфические рабочие формы борьбы — стачки. Развитие промышленности тормозилось узостью внутреннего рынка, господством крепостнической системы. Проблема кадров в этих условиях приобретала первостепенное значение. Способствовать решению вопроса о кадрах и предотвратить выступления рабочих должен был закон 1835 г., регулировавший отношения между наемными рабочими и предпринимателями и вводившийся «для опыта» на предприятиях Москвы и Петербурга. Этот закон, решавший в пользу фабрикантов вопрос о найме рабочих, был бесспорной уступкой правительства буржуазии, хотя его статьи, несколько органичивавшие произвол фабрикантов по отношению к рабочим, вызывали протесты предпринимателей. Своевременность появления этого закона подтверждалась многочисленными просьбами отдельных фабрикантов и гражданских губернаторов, желавших распространить Положение 1835 г. на другие промышленные губернии.

Непрекращавшийся поток жалоб рабочих на фабрикантов заставлял правительство, наряду с существованием закона 1835 г., вводить дополнительные постановления, касавшиеся труда рабочих. В 40-е годы в Москве и Петербурге создавались особые комиссии, изучавшие состояние промышленности и положение рабочих. Результатом работы одной из комиссий был закон, изданный в августе 1845 г. и предваривший подобный закон 1882 г., которым запрещалась ночная работа малолетних.

Революционное движение в Западной Европе 1848—1849 гг., подъем крестьянских и рабочих выступлений в России привели к некоторому из-

⁷¹ «Труды комиссии», ч. 1, стр. 453.

менению направления промышленной и, следовательно, рабочей политики царизма: накануне реформы 1861 г. царизм предоставляет большую свободу предпринимателям, вводит изменения в покровительственный тариф 1822 г. в сторону его уменьшения. Более того, правительство принимает попытки введения искусственных мер, задерживавших промышленное развитие в центре страны с целью предотвращения рабочих выступлений в крупных городах. В этом отношении представляют несомненный интерес два проекта 1847 и 1848 гг., составленные московскими военными генерал-губернаторами: первый Щербатовым, второй — Закревским. Если Щербатов пытался упорядочить отношения между рабочими и предпринимателями, идя по пути буржуазного развития, то Закревский пытался его задержать. Обсуждение проекта Закревского выявило не только противоречия между буржуазией и дворянством, но и разногласия в самом правительственном лагере. Несмотря на серьезные возражения чиновников из Министерства финансов, внутренних дел, Московского отделения Мануфактурного совета, споры закончились победой крепостников. Николай I одобрил основные положения проекта Закревского, опубликовав правила от 28 июня 1849 г. о строительстве промышленных предприятий в Москве и уезде. Однако большого практического значения эти решения не имели. Фабриканты с молчаливого согласия самого императора их обходили. После Крымской войны правительство вынуждено было отойти от правил 1849 г. и активно заняться реформированием России для удержания власти в руках дворянства. В 1862 г. был издан новый устав о промышленности, в котором большое место отводилось решению «рабочего вопроса».

На протяжении второй четверти XIX в. менялось и само понятие «рабочий вопрос». Если в 30—40-е годы XIX в. для правительства «рабочий вопрос» преимущественно сводился к вопросу о кадрах рабочих, с конца 40—50-х годов он становится социальной проблемой, вопросом о положении и месте рабочего класса в обществе.

Изучение рабочего законодательства второй четверти XIX в. убедительно показывает, что фабричные законы 80-х годов XIX в. восходят к законам 30—40-х годов. Это свидетельствует об ограниченности фабрично-заводского законодательства капиталистической России, имевшего корни в законах крепостной эпохи. Вместе с тем правительственные законы по рабочему вопросу 30—50-х годов XIX в. выявляют остроту классовых противоречий в стране, доказывают начало процесса формирования классов буржуазного общества.
